

Михайлова Екатерина Сергеевна

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ "РЕБЕНОК" С ПОЗИЦИИ ПРОДУЦЕНТА НАРРАТИВА

В статье рассматривается языковая личность "ребенок" в аспекте продуцирования нарратива. В этой связи изучается структура детского нарратива на материале анекдота. Автор проследил степень искажений первоначальной формы анекдота, установил типы наррации анекдота в структуре коммуникативной ситуации. Подчеркивается, что метатекстовые вводы в канву детского нарратива встречаются часто и являются его характерной чертой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. III. С. 122-125. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

Филологические науки

В статье рассматривается языковая личность «ребенок» в аспекте продуцирования нарратива. В этой связи изучается структура детского нарратива на материале анекдота. Автор проследил степень искажений первоначальной формы анекдота, установил типы наррации анекдота в структуре коммуникативной ситуации. Подчеркивается, что метатекстовые вводы в канву детского нарратива встречаются часто и являются его характерной чертой.

Ключевые слова и фразы: анекдот; нарратив; наррация; жанры; продуцент; компетенция; онтолингвистика; редукция; языковая личность.

Михайлова Екатерина Сергеевна

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
katyucuk@rambler.ru*

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ «РЕБЕНОК» С ПОЗИЦИИ ПРОДУЦЕНТА НАРРАТИВА©

Начиная с конца XX века, ознаменовавшего начало «нарративного поворота», когда в гуманитарных исследованиях все чаще и чаще обращаются к изучению нарратива, нарастает многообразие понимания данного феномена и подходов к его изучению. Большая детализация в изучении нарратива представлена в литературоведении, при этом авторы исследований ставят перед собой следующую цель – изучение авторской специфики передачи взаимосвязи между происходящими событиями и их описанием, соотношения пространства и времени и прочее. Что касается лингвистики, то и здесь следует отметить неоднозначное понимание как существенных характеристик термина, так и методологии, определяющей алгоритм изучения нарратива. Однако с какого бы ракурса ни анализировался нарратив, ученые понимают под ним сообщение, передающее последовательность разворачиваемых событий и отражающее накопленный жизненный опыт. В связи с вышесказанным конкретизируем наше понимание нарратива, учитывая онтолингвистический аспект нашего исследования. Детский нарратив – это речевое изображение ребенком цепочки следования явлений, событий, в определенной последовательности и в определенной временной и пространственной соотнесенности.

Исследователи жанров детской речи, наблюдая за речевым поведением детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста, отмечают «становление речевых компетенций, которая начинается с бессознательного овладения первичными, низшими по своей организации жанрами речи, составляющими основу бытового личностно-ориентированного общения» [6, с. 103]. Анализируя речь младших школьников, опираясь на такие критерии, как участники коммуникации, коммуникативная цель, тип событийного содержания, формальная организация, а также частотность употребления, нами были выделены следующие жанры речи: беседа, рассказ, рассказ-фантазия, детский анекдот, записка, дневник и анкета. В данной статье мы предлагаем рассмотреть детский нарратив на примере жанра анекдот. В последнее время интерес к детским анекдотам в рамках лингвистических исследований значительно возрос [4; 5; 6]. М. Л. Лурье, анализируя жанр детского фольклора, обратил внимание на поэтику, прагматику, педагогический и эстетический потенциал детских и подростковых анекдотов [7]. Л. Р. Уварова и В. Ю. Доберштейн исследовали школьные анекдоты как ценностное отражение детьми учебного процесса [8]. А. С. Архипова детально описала ролевые структуры детских анекдотов [1]. А. В. Дмитриев выделил и проанализировал функцию политической социализации детских анекдотов [3]. И. В. Утехин предложил структуру детского анекдота, выделил и, в свою очередь, описал его функции [9].

Ставя перед собой исследовательскую задачу – проанализировать не столько текст анекдотов, сколько процесс наррации анекдота ребенком, мы составили корпус нарративов в количестве 623 единиц, полученных в результате аудиофиксации с помощью диктофона. Кроме того, в работе использовались такие методы, как наблюдение, опрос, интроспекция, интерпретация. В качестве продуцентов нарратива стали 148 детей в возрасте 7-11 лет, что объясняется социологическими новообразованиями, а именно нарастанием социальных контактов в связи с расширением списка социальных ролей, реализуемых в школе, внеурочной деятельности (кружки, секции), досуга (путешествия, просмотр кинофильмов, компьютерные игры, общение в Интернете) и прочее; психологическими новообразованиями, заключающимися в смене ведущей деятельности, которая из игровой трансформируется в учебную; физиологическими новообразованиями, определяющими готовность высшей нервной системы ребенка выполнять те или иные мыслительные действия. С точки зрения лингвистики отмечается обогащение словарного запаса, освоение грамматических форм, а также овладение ребенком новых речевых жанров и их дифференциация. В речи ребенка особую роль начинают играть жанры высшего, вторичного порядка.

Итак, будучи жанром устного городского фольклора, детские анекдоты представляют собой анонимные тексты, с четко заданной структурой, тематикой и интенцией, отражающей картину мира ребенка. Именно когнитивная база, лежащая в основе картины мира, и является критерием разделения «детских» анекдотов и «взрослых». В целом отметим, что исследователи выделяют следующие структуры анекдота: зачин –

развязка [2] либо экспозиция (завязка интриги) – развертывание – неожиданная развязка [10, с. 131]. При анализе структуры нарратива детского анекдота мы отметили следующую тенденцию структурирования анекдотов, значительно отличающуюся от так называемых «взрослых». Вариант № 1: зачин – развязка – экспликация (объяснение произнесенного) – обратная связь (подтверждение понимания текста) (38%).

Рассмотрим вышеизложенное на примере. Представим первичную форму анекдота: «Сижу, пью кофе в кафе. Подходит парень и говорит: –Девушка, можно я за Вас заплачу?». Ну, я не растерялась – достала квитанции за газ, свет, воду».

Приводим стенограмму полученной аудиозаписи, в качестве продуцента нарратива выступает мальчик 11 лет: «К блондинке в кафе подошел красивый эlegantный мужчина. Он посмотрел ей в глаза и сказал: –Могу ли я за Вас заплатить? Я так подумала и отдала ему все свои счета: за телефон, за воду все счета и квитанции. (Смех). Дошло? Ну, эта девушка настоящая блондинка! Она решила, раз молодой человек решил на ней жениться, сразу отдала ему все квитанции по оплате, потому что подумала, что он решил оплатить ей счета».

Как мы видим, первоначальная форма анекдота изменена. Внесены как новые структурные элементы – смешение описания от третьего лица и первого лица, внутренний монолог, новые лексемы, – так и содержательные искажения. Кроме того, испытуемый апеллирует к стереотипу «блондинка», который отсутствовал в первоначальной форме текста, однако, как мы заметили, уже встроено в детскую картину мира. Как мы видим, интерпретируя, ребенок опирается на ассоциативный шлейф лексемы «блондинка», закрепленный в коммуникативно-массовом сознании: глупая, наивная, недалекая. Коммуникация в кафе была расценена нарратором как намерение заключить брак, тогда как данная интенция в первоначальной форме отсутствовала. Верное понимание сути анекдота, называемое солью, проявилось в осознании ошибки, которую совершила девушка: подумала, что молодой человек решил оплатить ей все счета. Прагматический мотив поступка девушки ребенок не понял в силу возраста и небольшого жизненного опыта, что и поддерживает идею аксиоматической сущности нарратива – отражение собственного жизненного опыта. Обратная связь детского нарратива обычно вербализируется лексемой «дошло», если реципиентами выступают сверстники, или языковой единицей «понятно» и ее дериватами.

Вариант № 2: зачин – развязка – обратная связь (подтверждение понимания текста) – экспликация (объяснение произнесенного) (56%).

В качестве примера приведем стенограмму анекдота, рассказанного 10-летним мальчиком:

«Вечерняя школа. 1947 год. Обсуждают, кто и как помогал во Второй мировой войне своим русским. И дальше. Марьяванна ходит по классу и спрашивает Мишу: —Ка ты помогал? Он говорит: —Нока все отдыхали после боя, я чистил оружие и готовил для них коробки с патронами». Дальше обсуждают, разговаривают. Доходит очередь до Вовочки. И Марьяванна спрашивает: —Вчем ты помогал во время войны? А он отвечает: —А я тоже помогал. Таскал боеприпасы, одежду» – А что они тебе говорили? – О, дарсе гут, гут Ваваноф». (Пауза). Дошло? Он немцам помогал! Они думали, что Ваваноф – его фамилия, а это имя».

В приведенном примере, помимо структурной особенности детского нарратива, мы видим проявление специфики на лексико-семантическом уровне, а именно тенденцию избавляться от присущей русскому языку и русской системе наименований человека двухкомпонентной формулы «имя + отчество» путем именованья взрослого человека по отчеству, так Мария Ивановна редуцировалась до Марьяванна. В лингвистике существует мнение, что сокращение двухкомпонентного именованья человека до однокомпонентного связано с ощущением достаточности одного слова-именования по отношению к другому лицу. Данное явление неодинаково объясняется относительно речи взрослого или речи ребенка. Так, говоря о детской речи, отметим, что дети до определенного возраста не воспринимают отчество как имя от отца. Взрослые же стремятся к симплификации в связи с законом экономии языка [4]. Фраза «О, дарсе гут, гут Ваваноф» по сущности является имитацией немецкой речи с точки зрения ребенка.

Выделенные нами структурные элементы детского анекдота вариативно следуют в канве повествования: так, экспликация может фигурировать и в начале/середине, что довольно редко встречается (16%), тогда как обратная связь всегда присутствует в конце анекдота.

Мы предлагаем рассмотрение обратной связи и экспликации не в качестве метатекстового ввода, под которым понимаются фразы, обеспечивающие переход к началу повествования анекдота, призыв к смеху и т.д., а в качестве структурных элементов, характеризующих детский нарратив. Отметим, что метатекстовые вводы в канву нарратива встречаются у детей также часто и являются характерной чертой детского нарратива. Обычно они представлены эмотивной лексикой, оценочными высказываниями относительно содержания анекдота, призывом к вниманию. Проведенное пилотажное исследование, целью которого являлось сравнение нарратива взрослых и детей, показало, что взрослые реже (21%) используют метатекстовый ввод, нежели дети (89%).

Проанализировав полученный корпус детских нарративов, мы отметили, что 6% анекдотов не соответствуют жанровым признакам «анекдот», т.к. содержат большое количество различного рода ошибок, не представляют собой связный и цельный текст, это позволило сделать вывод о задержке психоречевого развития (ЗПРР) у продуцентов данных текстов, и данные записи не могут отражать возрастные характеристики детского нарратива.

Из полученных 623 нарративов анекдотов 68% представляли собой повторы, это позволило нам, наряду с анализом нарратива, проследить типы модификаций или искажений текста анекдота. Так, первоначальная форма анекдота была отмечена в 37% нарративов, возможно, этот факт объясняется хорошей памятью детей и заучиванием текста наизусть. Но при лонгитюдных наблюдениях мы отметили, что при повторном воспроизведении анекдота, ранее заученного, нарастает процент искажений, в основном связанных с появлением описательных конструкций. Через 1 год только 12% детей смогли точно воспроизвести первоначальный текст анекдота. Половина (7%) из этих детей призналась, что анекдот им нравится, они часто его рассказывают. А другая половина (5%) вспоминала анекдот и при наррации часто оперировала следующими

конструкциями: «Ой, че та там..», «А, этот, как его, он это..», отражающими попытку вспомнить текст, однако эти включения не привели к структурным или содержательным искажениям. Проиллюстрируем примером, приведя первоначальную форму анекдота, а затем зафиксированный нами нарратив.

Первоначальная форма: «Гена едет на велосипеде, Чебурашка сидит на руле. Их останавливает милиционер, показывает на Чебурашку: "Снимите с руля!" – "Я не Сруль, я Чебурашка"».

Наррация через неделю (продуцент – девочка, 9 лет: «Ой, он такой смешной, сейчас расскажу. Едет Гена на велосипеде, а Чебурашка сидит на руле. Останавливает их милиционер, показывает на Чебурашку и говорит: "Снимите с руля!" – "Я не Сруль, я Чебурашка". Это он решил, что его зовут Срулем, а он-то Чебурашка! (Смех). А не Сруль! (Смех). Понимаете?»)

Наррация через год (продуцентом выступает та же девочка, ей 10 лет): «Ой, помню, помню! Сейчас. Едет Гена на красном велосипеде, Чебурашка сидит на руле. Останавливает их милиционер и показывает на Чебурашку. Он говорит: "Снимите с руля!" – "Я не Сруль, я Чебурашка". Сруль! (Смех). Милиционер Чебурашку назвал Срулем! (Смех)».

Как мы видим, ребенок в первый раз при наррации анекдота устанавливал обратную связь, пытаясь оценить, насколько реципиент (взрослый, в данный момент) воспринял его рассказ, а затем последовала экспликация соли анекдота. После продолжительного времени ребенок пересказывает анекдот, допуская минимальные искажения, вводя элемент описания цвета велосипеда, обратную связь не устанавливает, т.к. он запомнил интервьюеров и понимает, что воспроизведение анекдота прошло удачно в первый раз, следовательно, нет необходимости переспрашивать, однако экспликация вновь присутствует.

В процессе сбора материала мы установили, что дети позитивно оценивают анекдоты, любят их рассказывать, слушать, читать. Опрос показал, что не только в процессе неинституционального общения дети часто апеллируют к анекдотам, но и в момент нахождения в школе случается, что во время урока дети рассказывают анекдоты учителям. Здесь немаловажной характеристикой детского нарратива выступает осознание/неосознание уместности включения анекдота в канву коммуникации. Так, М. С. Каган расценивает характеристику уместности анекдота в коммуникативной ситуации как «прикладную», то есть наррация анекдота «прикладывается» к теме разговора, к осмыслению некоего жизненного события. Проанализировав коммуникативные ситуации, содержащие анекдот с участием испытуемых, мы выделили следующие закономерности нарративной активности с точки зрения прагматики:

1) намеренная наррация анекдота, когда существует договоренность между участниками коммуникации, обычно выраженная вопросом: «Кто расскажет анекдот? Кто знает анекдот?» или предложением «Я знаю анекдот, сейчас расскажу»;

2) спонтанная наррация, когда канва анекдота ассоциативно связана с происходящей ситуацией: «Прям как в анекдоте», «Хочешь, расскажу анекдот, там тоже Петечка пошел в магазин...», «Рассказать тебе анекдот, он очень смешной»;

3) юмористическая наррация, когда ребенок рассказывает анекдот для того, чтобы посмеяться и рассмешить окружающих;

4) заместительная наррация, когда анекдот служит инструментом переключения жанра общения (например, для снятия напряжения при конфликтной коммуникации);

5) фатическая наррация, когда анекдот выступает в качестве контактоустанавливающего посыла.

Резюмируем. Ребенок выступает продуцентом нарратива. Детский нарратив характеризуется спецификой как лингвистического плана, так и экстралингвистического. Уровень развития нарративной компетенции детей 7-11 лет высок, что позволяет произвести наррацию анекдота, однако полностью еще не сформирован, что выражается в размывании жанровых границ и искажении структуры.

Список литературы

1. **Архипова А. С.** Рольевые структуры детских анекдотов // Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах: сб. статей. СПб.: Алетей, 2001. С. 298-338.
2. **Воробьева М. В.** Анекдот в контексте смеховой культуры (на примере анекдотов советской эпохи) // *Studia culturae*. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2011. Вып. 12. С. 96-106.
3. **Дмитриев А. В.** Детский анекдот: функция политической социализации // Социология юмора: очерки. М., 1996. С. 78-91.
4. **Доброва Г. Р.** Психолингвистические причины общности некоторых фактов детской речи и разговорной речи взрослых // Психолингвистические аспекты речевой деятельности: труды Уральского психолингвистического общества. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2007. Вып. 5. С. 151-169.
5. **Каган М. С.** Анекдот как феномен культуры: вступительный доклад // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 5-16.
6. **Кошечева О. В.** Становление речевых жанров в онтогенезе (на материале речевых жанров «рассказ», «бытовой разговор», «ссора») // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых: в 3-х ч. Саратов, 2011. Вып. 14. Ч. 3. С. 102-110.
7. **Лурье М. Л.** Очерки современного детского фольклора // Экология культуры: информ. бюллетень / гл. ред. Л. Е. Востряков. Архангельск, 2006. № 2 (39). С. 92-104.
8. **Уварова Л. Р., Доберштейн В. Ю.** Школьные анекдоты как средство оценки детьми педагогического процесса // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. № 3. С. 65-71.
9. **Утехин И. В.** О детском анекдоте и чувстве юмора у детей // Труды факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. СПб., 2001. Вып. 1. С. 214-229.
10. **Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.** Русский анекдот: текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 144 с.

LINGUISTIC PERSONALITY “CHILD” FROM THE VIEWPOINT OF A NARRATION PRODUCER

Mikhailova Ekaterina Sergeevna
Volgograd State Socio-Pedagogical University
katyucuk@rambler.ru

The article considers linguistic personality “child” in the aspect of producing narration. In this connection the author examines the structure of child’s narration by the material of an anecdote. The researcher analyzed the degree of distortion of an original form of an anecdote, identified the types of narrating anecdote in the structure of communicative situation. The paper emphasizes that meta-textual insertions into the canvas of child’s narration occur quite often being its characteristic feature.

Key words and phrases: anecdote; narration; narrating; genres; producer; competence; onto-linguistics; reduction; linguistic personality.

УДК 811.512.211

Филологические науки

Статья посвящена исследованию имен собственных, бытующих в фольклоре эвенков. Ономастическая лексика устного народного творчества эвенков впервые представлена по классам. Большую часть имен занимают антропонимы. Среди онимов в эвенском фольклоре выделяются две группы: имена вымышленные, не существующие в действительности, т.е. мифические, и онимы реальные, т.е. действующие названия различных объектов.

Ключевые слова и фразы: онимы; фольклор; эвенский язык; ономастика; антропонимы; топонимы.

Нестерова Елена Васильевна, к. филол. н.

Садовникова Ия Ивановна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

Сибирского отделения Российской академии наук

elenanesterova-2010@mail.ru; Sadovnikova79@mail.ru

ОНИМЫ В ФОЛЬКЛОРЕ ЭВЕНОВ®

Фольклор эвенков является сокровищницей эвенковской культуры. В нем отражен духовный мир эвенков, аккумулированы лексические богатства языка [4]. Как ни в каком другом источнике, в нем широко распространены онимы. Так, ономастический слой лексики в эвенском фольклоре представлен антропонимами, топонимами, гидронимами, зоонимами, теонимами и др.

Большую часть онимов в фольклоре эвенков занимают антропонимы. Эвенские антропонимы являются интересной и самобытной частью эвенковского языка. Они отличаются семантическим разнообразием, символизмом и эстетичностью. В исследованных материалах мужские имена собственные по своему количеству довлеют над женскими:

Амакан-Кагына – образовано от *аман* – «отец», тотем. *каган* – «медведь большого размера». Этим именем называют старейшину рода, шамана, провидца;

Аманнохта – образовано от *аман* – «отец», означает «душа отца»;

Ачурмилан – образовано от *ачурун* – «часть крыши юрты около дымового отверстия»;

Баргини – образовано от *баргин* – «за рекой», означает «заречный» [7, с. 292];

Буюндя – образовано от *буюн* – «дикий олень»;

Бэйсэмдэ – образовано от *бэйэ* – «друг», означает «дружественный» [Там же, с. 288];

Бэлтэвличэн – образовано от *бэлтэньэ* – «широкоглазый», «выгаращенный», означает «зоркий» [Там же, с. 287];

Геакчавал – образовано от *гиакчан* – «ястреб», означает «ястребиный» [Там же, с. 291];

Гедавал – образовано от *гид-гед* – «копые, рогатина, штык»;

Геркунга – образовано от *геркундадай* – «идти широким шагом», означает «ходок» [Там же, с. 288];

Гэлтэни – образовано или от *гээлдэй* – «встать бодрым» (после сна), означает «бодропробужденный», или от *гэлтээ* – «звучать», «раздаваться» – в этом случае означает «звучный» [Там же, с. 281];

Делкини – образовано от *дэзлики* – «горностаи», означает «подобно горностаю» [Там же, с. 291];

Дьоллорукан – образовано от *дёл* – «камень», означает «подобно камню»;

Дэйгээни – образовано от *дэйи* – «птица» [Там же, с. 293];

Дулмикан – образовано от *дулы* – «средний» [Там же, с. 294];

Дэнэкэн – образовано от *дэнэдь* – «общительный»;